

«...Я ПРОЖИЛ ЖИЗНЬ»: основные даты жизни и творчества А. П. Платонова

Андрей Платонович Платонов (наст. фам. Климентов) родился 16 августа (28 авг. по н. ст.) 1899 г. в Воронеже (Ямская слобода).

Об отце будущего писателя — Платоне Фирсовиче Климентове — машинисте паровоза, слесаре Воронежских железнодорожных мастерских, талантливом самоучке-изобретателе не раз писали губернские газеты.

С 1906 по 1914 г. Андрей учится в церковноприходской и городской школе. С 1914 г. как старший в многодетной семье (11 детей) он начинает работать: помощником машиниста, литейщиком на трубном заводе, в паровозоремонтных мастерских. «Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности. До революции я был мальчиком, а после нее уже некогда быть юношей, некогда расти, надо сразу нахмуриться, биться...», — признавался позже Платонов. В 1918 г. Платонов поступает в железнодорожный политехникум (электротехническое отделение); с этого же года начинается участие в литературной жизни Воронежа: он часто выступает в Коммунистическом союзе журналистов на дискуссиях о пролетарской и буржуазной культуре; в коммунистических газетах и журналах («Воронежская коммуна», «Красная деревня», «Железный путь», «Призыв» и др.) постоянно печатаются его статьи, стихи, рассказы.

В 1920 г. Платонов принимает участие (от Воронежского союза пролетарских писателей) в работе первого Всероссийского съезда пролетарских писателей (Москва). На вопрос анкеты съезда: «Каким литературным направлениям вы сочувствуете или принадлежите?» — он ответит: «Никаким, имею свое».

В 1921 г. в Воронеже выходит небольшая книга «Электрификация» (16 с.); в 1922 г. в Краснодаре — книга стихов «Голубая глубина». «Платонов — плоть от плоти и кровь от крови не только своего слесаря-отца, но и вообще русского рабочего. У него — как и у этого молодого гиганта, познавшего коллектив, машину, производство, но еще не порвавшего с деревней, не освободившегося от «тяги к земле», — два перепева: фабричного гудка, потной работы, мускульной отваги, коллективного творчества, мощи Нового Города, с одной стороны, и поля, степи, голубой глубины, ржаных колосьев, «Мани с Усмани» (название стихотворения. — *Н. К.*) и большой дороги со странником Фомой — с другой», — писал в предисловии к книге Г. З. Литвин-Молотов, редактор издательства, известный партийный деятель, наставник воронежских пролетарских писателей. В 1923 г. «Голубую глубину» заметит в Москве Валерий Брюсов, выразив надежду, что «прекрасные обещания молодого пролетарского поэта дадут в будущем достойное осуществление». Однако в это время сам Платонов отходит от бурной литературной деятельности.

В 1921-1922 гг. Платонов — председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с засухой в Воронежской губернии (голод 1921 г. превзошел по своим последствиям страшный голод и засуху 1891 г., о чем сообщала на страницах воронежских газет статистическая служба). С мая 1923 г. состоит на службе в Воронежском губземуправлении в должности губернского мелиоратора, заведующего работами по электрификации сельского хозяйства. В автобиографии 1924 г. писатель так объяснит свой путь от литературы к жизни: «Засуха 1921 г. произвела на

меня чрезвычайно сильное впечатление, и, будучи техником, я не мог уже заниматься созерцательным делом — литературой».

Без иллюзий Платонов отнесся и к введению НЭПа, увидел в нем прежние традиции общества, построенного по типу «организма», «эксплуатирующей цивилизации» (выражение Н. Ф. Федорова).

В 1946 г., когда в России опять разразится засуха и голод, Платонов в статье «Страхование урожая от недорода» вернется к идеям своей молодости о «ремонте земли» и опять не будет услышан (статья впервые опубликована «Независимой газетой» 1 сент. 1994 г.).

В генерации писателей, пришедших в литературу в годы революции, Платонов, пожалуй, единственный, кто так надолго задержится с выходом во всесоюзную литературную жизнь. На рабочем столе воронежского «рабочего-философа» и известного производственника рядом со служебными записями, экономическими расчетами, чертежами к новым изобретениям — книги по древней истории и землепользованию, работы Маркса, Ленина, Троцкого, Бухарина и Бердяева, Федорова, Флоренского, пролетарская поэзия и томики Пушкина, Достоевского, Гоголя...

В феврале 1926 г. на Всероссийском съезде мелиораторов Платонов был избран в состав ЦК Союза сельского хозяйства и лесных работ; в июне этого года он вместе с семьей (женой — Марией Александровной и сыном Платоном) переезжает в Москву. Через месяц — увольнение с работы. В одном из неотправленных писем Платонов рассказывал о первых месяцах своей московской жизни: «...я остался в чужой Москве — с семьей и без заработка. На мое место избрали на маленьком пленуме секции (мелиораторов. — *Н.К.*) другого человека... при полном отсутствии мелиораторов. Присутствовал один я!.. Чтобы я не подох с голоду, меня принял НКЗ (Наркомат земледелия. — *Н.К.*) на должность инженера-гидротехника. <...> Одновременно началась травля меня и моих домашних агентами ЦК Союза (я по-прежнему жил в ЦД специалистов) ... называли ворами, нищими, голью перекатной (зная, что я продаю вещи). У меня заболел ребенок... я каждый день носил к Китайской стене продавать ценнейшие специальные книги, приобретенные когда-то и без которых я не могу работать... Так и закружилась моя судьба. Никто не хотел принять во мне участия, только инженеры из НКЗема сочувствовали и поддерживали меня, даже давая без отдачи деньги взаймы, когда я доходил до крайнего голода. Но они были совершенно бессильны...». Осенью 1926 г. Наркоматом земледелия Платонов назначается заведующим отделом мелиорации Тамбовской губернии (области) и уезжает в Тамбов. Перед отъездом в провинцию он заключает договор с издательством «Молодая гвардия» на книгу избранных произведений.

1927 г. можно считать годом появления в русской литературе нового мастера. Здесь, в Тамбове, возник, а потом пошел нарастать тот колоссальный взрыв, выброс творческой энергии, которую, кажется, реальность исторгла из себя, предназначив для этого Платонова, обрекая его на эту миссию. Он принял ее как удел — со смирением. И тогда горизонты видения разомкнулись, и уже больше до конца жизни это видение не знало пределов. В январе 1927 г. Платонов заканчивает повесть «Эфирный тракт» — она идет трудно и мучительно. В январе же — «Епифанские шлюзы», повесть о петровских преобразованиях русской жизни (рукопись практически не имеет правки). В это же время пишутся статьи по вопросам землепользования в России, философские эссе об искусстве, религии, науке, проводятся социально-экономические расчеты. Оттуда, из Тамбова, в письмах к жене Платонов проговаривает свои сокровенные темы. О творчестве и собственной судьбе: «Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — «муза» мне не изменит... Иногда мне кажется, что у меня нет общественного будущего, а есть будущее, ценное только для меня одного». И о судьбе литературы и русской провинции, куда отправятся вскоре из «верховного руководящего города» его герои — «душевные бедняки»: «Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и проза. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль и могут только рождаться в таком захолустье».

В первую неделю февраля Платонов садится за «Город Градов», а 17 февраля заканчивает эти заметки командированного.

В марте 1927 г. Платонов возвращается в Москву. До конца года тянется судебная тяжба писателя, работника Наркомзема, за право занимать комнату в Доме специалистов. В скитаниях по Москве он пишет новую редакцию «Города Градова», создает цикл новых повестей: «Сокровенный человек», «Ямская слобода», «Строители страны» (первая редакция романа «Чевенгур»). Осенью 1927 г. выходит книга повестей и рассказов «Епифанские шлюзы», в 1928 г. — книга «Сокровенный человек», в 1929 г. — «Происхождение мастера». Решающая роль в публикации этих книг Платонова принадлежит Г. З. Литвину-Молотову, в то время директору издательства «Молодая гвардия». Он редактор всех платоновских повестей и романа «Чевенгур»; в 1929 г. своей волей Молотов (репрессирован в 1945 г.) доведет «Чевенгур» до верстки. К концу 1929 г. все попытки опубликовать «Чевенгур» закончатся крахом. Год «великого перелома» станет началом пристального внимания критики к стремительно ворвавшемуся в литературу пролетарскому писателю Платонову. Поводом для этого послужили рассказы «Че-Че-О», «Государственный житель», «Усомнившийся Макар».

Осенью 1929 г. Платонов делает первые записи к «Котловану», работает над несколькими киносценариями, пишет серию очерков, былей и рассказов. Это время интенсивных поездок писателя по совхозам и колхозам Средней России. В первые месяцы 1930 г. Платонов создает первую редакцию повести-хроники «Впрок». Однако журналы и издательства отклоняют «Впрок», отмечая наличие в повести интонации «ошибочного» «Усомнившегося Макара». И все-таки хроника «Впрок (Бедняцкая хроника)» — в новой редакции — будет опубликована в 1931 г. журналом «Красная новь» и вслед за «Усомнившимся Макаром» ляжет на стол И. В. Сталина. Основную тональность критики, обрушившейся на Платонова, определяет слово «клевета» (так называлась статья ведущего критика И. Макарьева): клевета на «нового человека», на ход социалистических преобразований, на «генеральную линию» партии. Платонов направит в редакции центральных газет письмо, в котором признает свои ошибки. Но ни «Правда», ни «Литературная газета» не осмелятся опубликовать письмо Платонова; пронизательные критики, «неистовые ревнители» классовой чистоты русской литературы, умели читать и текст, и подтекст, а подтекст письма был вызывающе иронический и ернический: «Противоречие между намерением автора явилось в результате того, что субъект автора (это о себе. — *Н.К.*) ложно считал себя носителем пролетарского мировоззрения — тогда как это мировоззрение ему предстоит еще завоевать. <...> Классовая борьба, напряженная забота пролетариата о социализме, ведущая сила партии — все это не находило в авторе письма тех художественных впечатлений, которых эти явления заслуживают» (текст письма впервые опубликован в журнале «Русская литература», 1990, № 1, с. 230-231; см. также «Новый мир», 1993, № 4, с. 120-121). В эти месяцы Платонов завершает работу над «Котлованом».

В июне-июле 1931 г. Платонов отправляет письма еще двум адресатам — Сталину и Горькому. Ответа не последовало — поток погромных статей будет нарастать. В августе автор крамольной повести, «агент буржуазии и кулачества в литературе», выбирает прежний маршрут своей жизни: он уезжает от Наркомата земледелия по колхозам и совхозам Поволжья и Северного Кавказа и привозит беспощадный материал для повести «Ювенильное море». Платонов не раз достаточно категорично выскажется по вопросу о необходимости пролетарскому писателю иметь вторую профессию: «В эпоху устройства социализма «чистым» писателем быть нельзя»; «Но быть писателем во время устройства социализма, ощущая социализм лишь профессиональными чувствами, а не вживаясь в него производственно, так сказать опытом рук, <...> быть только писателем в это время — есть еще большее противоречие и даже наглость». Осенью 1930 г. Платонов окончил курсы химизации сельского хозяйства.

1 февраля 1932 г. Платонов выступил с творческим самоотчетом о своей идеологической перестройке на собрании советских писателей. Он говорил о «прогрессивно нарастающей

ошибочности» в своем творчестве, о том, что масштабы «вредоносности» его мировоззрения критика еще не оценила, что ему трудно «прекратить... этот поток произведений», поток, не имеющий «никакого интереса и пользы для революции», и. т. д. (см. Памир, 1989, № 6). Сомнениями в возможности перестройки писателя были пронизаны выступления всех оппонентов Платонова, и хулителей и доброжелателей. За этим недоверием стояло как отсутствие новых политически выверенных произведений, так и понимание органически устойчивых черт мировидения, языка и стиля Платонова.

В 1932 г. писателем создана народная трагедия «14 Красных Избушек» — о страшных потрясениях русской провинции, о голоде народа, который принес «великий перелом» (трагедия впервые опубликована в журнале «Волга», 1988, № 1). Заканчивалась первая пятилетка, центральные газеты и журналы подводили ее итоги и планировали темпы второй. Платонов завершает свою пятилетку трагедией. Это был духовный подвиг в масштабе большой русской литературы. «Могу ли я быть советским писателем, или это объективно невозможно?», — спрашивает Платонов Горького в письме 1933 г. Горький не ответил. Еще в 1929 г. он сказал Платонову (не только о судьбе «Чевенгура»): «Не сердитесь. Не горюйте... Все минется, одна правда останется» (см. переписку Горького и Платонова: Литературное наследство. М., 1963. Т. 70; Вопросы литературы, 1988, № 9).

Наступившая после публикации «Впрок» изоляция Платонова обозначила новый этап в творчестве писателя. По продуктивности он может быть сравним с 1927 г., когда из грибницы блистательных платоновских повестей выросло монументальное здание романа «Чевенгур». В начале 30-х гг. Платонов вышел к постижению реальности постчевенгурской эпохи. «Котлован» закладывает фундамент этого постижения. В 1931-1932 гг. он создает «технические» повести «Ювенильное море» и «Хлеб и чтение», в 1933 г. приступает к работе над романом «Счастливая Москва» (роман впервые опубликован журналом «Новый мир», 1991, № 9).

В 1931-1935 гг. Платонов работает старшим инженером-инструктором в Республиканском тресте по производству мер и весов при НКТП СССР (Наркомат тяжелой промышленности) и достаточно много изобретает; первые патенты получены в 1925 г.

В марте 1934 г. в связи с подготовкой к I Съезду советских писателей Платонов в составе группы писателей уезжает в Туркмению. Цель поездки, отмечала «Литературная газета», заключается в том, чтобы дать «первые опыты художественного изображения истории социалистического строительства республики». Как инженер и мелиоратор Платонов также входит в состав туркменской комплексной экспедиции Академии наук по изучению промышленности страны. Итогом этой поездки стали повесть «Джан», рассказ «Такыр», статьи «О первой социалистической трагедии», «Горячая Арктика», сценарии. Но только рассказ «Такыр» будет опубликован при жизни писателя. На съезде писателей имя Платонова даже не упоминалось.

В начале 1936 г. Платонова включают в новый писательский коллектив для создания книги о героях железнодорожного транспорта. Рассказ «Бессмертие» будет опубликован и получит высокую оценку писателей и критиков. Однако уже второй рассказ для этой книги — «Среди животных и растений» — на собрании в Союзе писателей подвергся разносу за отход автора от «героического» материала. Платонову вменяли в вину, что тема мученичества центральная и в рассказах о героях, что его ирония не знает границ. Осуждалось и отношение писателя к социальному заказу: «... у него могучее чувство иронии. Кто-то ему начал рассказывать, что какой-то машинист получил орден, и ему украсили паровоз, как никогда, и он сказал: «Ну украсили, а паровоз не пошел бы» (Я. Рыкачев); «Я хочу еще раз повторить, что когда Платонов получал деньги вперед за эти рассказы, то его бухгалтер спросил: «А что, вы сделаете, как надо?» Я с ним вместе получал деньги и слышал... Платонов со свойственной ему мрачностью ответил: «На вас не угодишь» (С. Гехт). От Платонова потребовали радикальной переработки рассказа.

В 1937 г. в издательстве «Советский писатель» выходит книга рассказов Платонова «Река Потудань» (первая книга после 1929 г.). Публикация совпала с кульминацией поли-

тических процессов 30-х гг. Литературная критика взяла под прицел творчество политически неблагонадежных писателей. В монографической статье А. Гурвича «Андрей Платонов» доказывалась ущербность художественного мировоззрения автора «Впрок» и «Реки Потудань». «Религиозное душеустройство» — такой диагноз ставит Гурвич платоновскому герою. Заканчивалась «безбожная пятилетка» (ее официальное название), и приговор Платонову за ревизию христианства прозвучал в контексте «ликвидации политической беспечности» (выражение И. Сталина 1936 г.) жестко и однозначно. Платонов ответил Гурвичу статьей с символическим названием «Возражение без самозащиты» («Литературная газета»). На рабочем столе писателя в это время лежали новые рассказы, сценарии, материалы к роману «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году» (в феврале 1937 г. Платонов совершил поездку — на перекладных — по маршруту Радищева, его «Путешествия из Петербурга в Москву», и пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург»). Сдача романа в издательство «Советский писатель» планировалась в июле 1938 г. В мае 1938 г. был арестован единственный сын Платонова, пятнадцатилетний школьник.

«Слишком любимое и драгоценное мне страшно — я боюсь потерять его», — писал Платонов о сыне в 1926 г. Обернулось явью его предвидение о гибели ребенка в мире чевенгурской коммуны (см. «Ребенок в Чевенгуре» — главу в романе). Но никогда, пожалуй, ни в 20-е, ни в 30-е гг., не было в платоновской прозе столько света, как в его рассказах конца 30-х гг.

Летом 1938 г. Платонов перезаключает договор с издательством с романа на книги статей (с 1936 г. он постоянный автор «Литературного критика» и «Литературного обозрения») «Размышления читателя» и «Николай Островский».

Осенью 1939 г. статьи Платонова подверглись жесточайшей критике на страницах журнала «Большевик» (теоретический орган ЦК ВКП(б), а главному идеологу партии А. А. Жданову отправлен донос на Платонова (см.: Октябрь, 1991, № 10). В том же году рассыпали набор книги «Размышления читателя», а рукопись книги «Николай Островский» исчезла в архивах ЦК ВКП(б), куда она была затребована.

С 1938 г. Платонов сотрудничает с Издательством детской литературы. В 1939 г. здесь выходит книга «Июльская гроза» (переиздана в 1940 г.). Для Центрального детского театра Платонов пишет пьесы и сценарии («Избушка бабушки», «Добрый Тит», «Неродная дочь» и др.), однако ни одна из пьес не будет поставлена при жизни писателя.

В начале 1941 г. освобождают из лагеря сына Платонова (благодаря содействию Михаила Шолохова, друга платоновской семьи, в это время депутата Верховного Совета СССР). Платонов заключает договор с издательством на сборник рассказов «Течение времени». Война остановит издание книги.

Эвакуация в Уфу для Платонова длилась несколько недель. Он добивается отправки на фронт. В начале 1942 г. Платонова утверждают военным корреспондентом в действующую армию, и он уезжает на фронт. За время войны вышло четыре книги Платонова: «Одухотворенные люди» (1942), «Рассказы о Родине» (1943), «Броня» (1943), «В сторону заката солнца» (1945). На страницах «Красной звезды», «Красноармейца» постоянно печатались его очерки и рассказы, под которыми стоит неизменная запись — «Действующая Армия».

В 1943 г. не проходит цензуру книга «О живых и мертвых», в 1946 г. — книга «Вся жизнь». История издания последней совпадает с новой вакханалией критики, обрушившейся на писателя после публикации рассказа «Семья Иванова» («Возвращение»). В начале 1947 года Платонову возвращена рукопись книги «Вся жизнь», из редакции журналов возвращаются рассказы с резолюцией: «Рассказ не пойдет».

Неудачей завершилась попытка Платонова возобновить после войны творческие связи с Центральным детским театром, для которого он писал пьесу о Пушкине «Ученик Лицея». Единственной нитью связи писателя с литературной жизнью остаются детские газеты и журналы.

При поддержке М. Шолохова выходят две книги сказок Платонова: «Башкирские народные сказки» (1947) и «Волшебное кольцо» (1949, под общей редакцией М. Шолохова). Последним большим произведением, над которым Платонов работал, была пьеса-мистерия «Ноев ковчег (Каиново отродье)». Пьеса осталась незаконченной (впервые опубликована в журнале «Новый мир», 1993, № 9).

А. П. Платонов умер 5 января 1951 г. — на пятьдесят втором году жизни. Похоронен на Армянском кладбище, где в 1943 г. был похоронен его сын Платон.

Наследие Платонова возвращалось и возвращается медленно и мучительно. Каждое его произведение уже при жизни имело несколько редакций, посмертные издания также сопровождалось правкой и изъятиями целых страниц текста; белые пятна зияют в биографии писателя. Не менее труден и путь читательского постижения Платонова. Все этапы возвращения его произведений (оттепель, перестройка) сопровождалось колоссальной политизацией смысла творений художника и его биографии. Так, совсем недавно, после публикации «Котлована», столкнули Платонова с Шолоховым, одним из немногих в среде советских писателей, с кем Платонов общался. Широко растиражирован миф о том, что Платонов работал дворником в Литературном институте. Критики и бойкие политологи начали журить Платонова за то, что он не так, как мы, понимал действительность 30-х гг. «... Сможет ли общественное сознание, восполняя пробелы и прочерки своего знания, воспринять это новое органически и целостно», — писал еще в 1967 г. Л. Шубин в статье «Андрей Платонов». Мир Платонова трудно любить в привычном смысле этого слова. Каждой своей клеточкой он напоминает о том, что не все благополучно в окружающей нас действительности, не только в социуме, но и в природе, космосе, человеческой душе и мыслях. Платонов — «как бы некий упрек нам — людям с обычным языком и обычными понятиями», — напишет С. Залыгин в предисловии к первой публикации в России повести «Котлован». Еще более жестко определил смысл сегодняшнего диалога с Платоновым А. Битов: «... Платонов нам только-только предстает. Он нам еще предстоит, ибо то, что было внешней преградой (запрет), стало преградой внутренней (собственный духовный потенциал). Надо восходить».

Н. В. Корниенко,
д-р филол. наук, чл. -кор. РАН